

О, прекрасен ты, мир, в переплете весны –
И сверкают твои межпланетные сны
Как посланцы мечты – без порока.
А о том, что ты груб и безумно жесток,
Я когда-то забыла дослушать урок,
Навсегда убежавши с урока!

Эти взрослые глупости мне не нужны –
Я люблю в крутобокой плавильне весны
Острый запах запретной свободы –
Дерзость быть вопреки, перейдя за черту,
Жить, распахнутой настезь, и душ высоту,
Что идут по судьбе, как по водам.

В древнем мире своем, в вольном детстве своем,
Я, забывшись, слилась навсегда с бытием –
Безоглядно, всерьез, без остатка.
Перемазалась солнцем в горячем песке,
Засмеялась, упрятав грозу в кулаке,
Над обрывом сверкнула касаткой.

И простор захватила потоком огня
Жизнь, текущая шире и дальше меня –
Золотым полыханьем без края.
В каждом волю сверчащем пропащем сверчке –
В каждом рот разевающем глупом мальке –
В каждом грозном дыхании мая.

Бесконечный, дразнящий поток бытия,
Ты оклики меня – ты наполни меня!
Неоглядный, живой, беспредельный!
Я – девчонка в твоём городском тупике.
Я – словечко на остром твоём языке.
Я – мишень твоей боли прицельной.

Что там перечень дивных чудес и красот –
Вот сейчас – засверкает, пальнет, громыхнет!
Встав у края, кулак разжимаю:
– Как тебя называть, молодая гроза?
А она, рассверкавшись, хохочет в глаза
Бесподобным раскатом:
– Не зна-а-а-а-ю!!!

Не вини же виной, не кори меня злом,
Я упрямо жила свою жизнь о другом,
Всё узнав и простивши на свете.
От грозы и любви – всем влюбленным привет!
А о том, что ни смерти, ни тления нет –
Знают даже наивные дети.

* * *

Однажды и мне, если хватит отважного духа
Увидеть судьбу за привычным набором острот,
Придется признаться – теперь я седая старуха,
И это, пожалуй, уже никогда не пройдет.

Седая старуха – я джинсы куплю помоднее,
И, лихо пройдя переулками жизни своей,
Легко примирившись, скажу беспечально – Бог с нею,
Поскольку Господь отмечался надеждою в ней.

И жизни своей, промелькнувшей огнями не мимо,
Озоном любви и грозою сомнений дыша,
Признаюсь я честно, что молодость неистребима,
Как неистребима и в черной печали душа.

И шаг не замедлив, не сбавив веселого пыла,
Открыта для всех, словно в мире не видела зла,
Скажу откровенно, что я ничего не забыла,
Но всё сберегая – себе ничего не взяла.

Скажу беспечально, что вечная чаша хмельная
Еще не испита на дружеском пире до дна –
Звенит, не смолкая, по кругу плывет, полыхая,
И манит и дразнит – поскольку бездонна она.

Ты длись, моя жизнь, в бесконечных проулках весенних,
Пока над холмами в высоком и вольном бреду
Гремят соловьи и грохочут шальные сирени –
Покуда сирени цветут в Гефсиманском саду...

- Кузнецов! Кузнецов! – Свист и гром восхищения в зале.
Гнев матерых писак. Блеск в глазах у зеленых юнцов.
- Кузнецова громят!
 - Кузнецов напечатан в журнале!
- Всех обманом назвал и подделкой поэт Кузнецов!

Это тайный пароль – вздох любви моего поколения –
Демидур, Святогор, не смирившийся с тягой земной.
Миф о вещем поэте на вечном пределе горенья.
Молчаливая глыба с таинственной речью иной.

Пролетал его конь, догоняя свои же подковы,
Сквозь хазарскую ночь – по космической русской заре.
Поминал его Сергей среди павших бойцов Куликова,
Но погиб он с отцом, на Сапун – подорвавшись – горе.

А гордыня ли, гений, миров недоступное знание,
Весть масштабов вселенских – как этот огонь ни зови –
Но спустился он в ад – и соперничал с Дантом в дерзание,
А влюбившись в Европу – соперничал с Зевсом в любви.

И немели мы все перед русским рокошущим словом,
Кубком отчих громов – огнедышащей правдой отцов.
Ты не русский душой, если ты не читал Кузнецова!
Ты не русский умом, если темен тебе Кузнецов!

И пошел он к Христу через кривду времен, сознавая,
Где начало Любви. И живым прошагал через ад.
И с повозкою слёз – русской вестью – добрался до рая.
А увидев Христа – уходить отказался назад.

И прошел он сквозь нас богатырскою молнией света,
Вещим облаком дыма, миры создающим огнем,
Сказкой русского духа, творящего слова кометой,
Вечной верой глубин. Ничего мы не знаем о нем.

ОКРАИНА

Бесконечная Россия,
Словно вечность на земле.

П.А. Вяземский

Окраина. Околица. Судьба.
Уткнусь в стекло упрямой гладью лба.
В окне вагона – грязь дорог размытых.
А у забора – свет – округи ось –
Рябина держит алых ягод гроздь,
Как сотню солнц окраин позабытых.

Окраин в мире – как в лесах дорог.
И каждый вольный куст и бугорок
Зовет себя окраиною темной.
Горят пространства в беспредельной мгле.
Распахнутая вечность на земле –
Окраина забыла, как огромна.

И всё в тебе от сотворенья – есть.
И мы упрямо выживаем здесь –
В колодцах городов и селах древних.
И в полноте бескрайней бытия
Никак не можем осознать себя –
«Россия, глушь, околица, деревня...»

Но есть закон: кто любит – тот и царь.
Кто трудится – тот миру государь.
Кто вышел рано – путь земли осилит.
И сердце захлебнется от любви,
Когда шальные грянут соловьи
С холмов над хвойной вечностью: «Россия!»

И горькою рябиновой судьбой
Сто тысяч солнц зажгутся над тобой –
Над каждой черной хатою – светило,
А над погостом каждым – старый крест.
И без труда мальчишки здешних мест
Расскажут всё, что будет и что было.

Смеясь, мужик поведает о том,
Что центр вселенной – под любимым кустом,
Под самогонку – сам себе философ.
И бабка, выйдя утром на порог,
Ответит просто: «Центр земли – где Бог».
И перекрестит небо – без вопросов.

А жизнь течет, светла в самой себе,
Пустого не мечтая о судьбе,
Не замечая злую скудость быта.
Но как назвать окраинной судьбой
Распахнутую вечность над тобой –
Любви и бытия переизбыток?

И ты гудишь пространствами во мгле –
Распахнутая вечность на земле –
Огнем мелькаешь в полночи случайным.
Летят с вокзалов в вечность поезда.
И мы летим сквозь вечность – кто куда.
Точнее, каждый – на свою окраину.

* * *

В огне любви сгорели дни и даты.
Но в час, когда предельно больно мне,
Я вспоминаю в пламени заката
Пробитый купол храма на холме.

И вижу, как из глубины вселенной,
Горя и плавясь в щебне и пыли,
Лилось в провалы черные на стены
Расплавленное золото Любви.

А в туче голубь плавился. И сила,
Что плавит землю, воздух, даль и близь,
В потоках света камни возносила –
И храм из праха поднимала ввысь.

И бог Любви – Христос – в закатной лаве
Сойдя с Небес в крапиву и репей,
Сидел на Троне в Негасимой Славе
Среди развалин родины моей.

ПАПИН КОЛОДЕЦ

Скрипели стволы, обрастая корявой корою,
А кроны смыкались, мерцающей вязью легки.
И вырыл отец мой колодец под старой ветлою,
Ведь ивы живут там, где бьют из земли родники.

Он пот вытирал фронтовою рубахой с исподу,
И ладил лопату под руку – как с детства привык.
И землю носил, и вычерпывал ведрами воду.
И сруб золотился. И бил потаенный родник.

Там жили – сиянье, лягушки, пугливые тени,
Ручной головастик, веселый жучок-плавунец.
Мы воду носили под жадные корни растений,
И в небо смотрел с затаенною мыслью отец.

Но годы промчались. Наш дом утонул в сухостое.
И сад наш зарос, не вспоенный водою живой.
А старый колодец давно затаило землю,
И след его слабый давно затаило травой.

Но знаю я точно – под кучами веток и сора
Есть тайный родник, не иссякший за годы утрат.
И папин колодец сияет в разломе простора,
Где старые ивы над прошлым шатрами шумят.

И что мне с того, что копают одною лопатой
Могилу и грядку, поющий колодец и дот.
Мне снится под утро, что детство, и есть еще папа,
И входит лопата в суглинки небесных пород.

И есть еще – сад. Есть – колодец небесного свода.
Есть – вера и ум. Есть – упрямая твердость руки.
И жажду я, Господи. Жажду – как жаждет природа.
И память отца говорит мне, где бьют родники.

* * *

В мире ли страшном, в мире ли темном,
В городе тысячеликом огромном –
Кто тебе сможет помочь?
Рвет в электричке с катушек орбиту.
Друг, извини, я не знаю, где выйду.
Дверь закрывается. Ночь.

Дверь открывается – вечная сила!
Что там в подземке миров насквозило?
Выйдешь – ты где? На звезде?
В Нео-Нью-Йорке, в Перу, в Магадане,
В сонной нирване, на дне в океане
Или же сразу – везде?

Выгнулся мост над горящею бездной.
Дом оцетинился каской железной.
Дух обозлился внутри.
Оборотень с нелюдской головою,
Встань предо мною, как лист пред травой,
Город бессонный – замри!

Шаг – от асфальта шархнет зарядом.
Это бредет одиночество рядом –
Мощными токами бьет.
Черных домов наворочаны кубы.
А на табло электронные губы –
Красный ощеренный рот.

Что за садист или гений из бездны
Во вдохновенье отнюдь не полезном
Вас вырывал из лица?
Кто-то додумался выключить звуки.
Красные губы в немислимой муке
Что-то кричат без конца.

Длятся материи метаморфозы –
Сталью колючей становятся розы.
Сгустками тьмы – фонари.
Вечных законов любви не приемля,
Не по колено мы в грешную землю –
В землю по плечи вросли.

Тише! О чем этот крик над толпою?
Он запределен разящей тоскою –
Он и без звука добьет!
О состраданье, над миром летящем?
О вдохновенье, над бездной парящем?
Полно! Никто не поймет.

* * *

С.М.

Где звезды дрожат в беспроглядной пучине ночной
И слово со звуком сливается верой упорной,
Гитару возьми и Кольцова забытого спой
Под Спасом на храме за рощею нерукотворной.

И я позабуду и вечность, и время, и даль,
И землю, и небо и слушать без устали буду
По струнам бегущую ветром живую печаль
И голос дрожащий, подобный мгновенному чуду.

Деревья шумят, что придется и нам отвечать
Пред Ликом, плывущим сквозь кроны огнем незнакомым.
А ты всё поешь о Творце, наложившем печать
На небо, на землю, на белую рощу за домом.

На небо, на землю, на сад и за ветлами пруд,
На тщетность мечтаний и тайны влюбленностей юных,
На струны твои, что над струнами рощи поют,
На цели творений... Давно уже порваны струны!

В пруду под мостками блестит незнакомо вода.
И яблоки в кронах горят, как тревожные знаки.
И ясно давно – от беды не спасут никогда
Ни свет на дороге, ни преданность белой собаки.

Но струны пространства бесстрашно тревожит рука,
О порванных струнах грядущей судьбы не печалась.
И ночь отвечает, что эта печать на века,
И что не расторгнут ее и миры, разрушаясь.

УЛИТКА

Ты в этом мире медленнее всех.
Ползешь к цветку – и время тратить грех,
Чтоб наблюдать за медленным движеньем.
Но нет быстрее урагана звезд,
Летающих по спирали млечных верст
В стремительном витке преображенья.

Куда тебе спешить и почему –
Навек неясно твоему уму
В пространстве продвижений постепенных.
Ведь если время не остановить –
Так можно спрятать или закрутить
В спиральный панцирь медленных вселенных.

Сгорают звезды, пролетают дни,
Поют пульсары – времени сродни.
А ты ползешь замедленной дорожкой
По правилам неведомой игры.
Ведь можно так: свернуть в себя миры –
И с лепестка цветка топорщить рожки.

Если ты хочешь прожить свою жизнь без беды,
Надо на лодке проплыть, говорили когда-то,
Между закатом над черною бездной воды
И отражением в озерной громаде заката.

Лодка скользит вдоль осоки. И кажется нам –
Нету конца этой жизни простой и счастливой.
Давнее лето. Шальные наезды к друзьям.
Черные сосны и звезды над озером Диво.

Старая лодка вливается в огромный туман
И осторожно минует песок мелководий.
Где вы сегодня – в какой из заоблачных стран,
Неугомонные путники Вика с Володей?

Сосны гудят на плывущих в огне островах
Над валунами из тьмы ледниковых реликтов.
Где ты сегодня, в каких невозможных мирах,
Рыцарь на веслах – художник застенчивый Виктор?

Долго искала – но слышала ясно в ответ
Всплески весла над озерною гладью сознания:
Не выдает всемогущий земной интернет
Ваших имен и паролей в другом мирозданье.

Всё же я верю – останутся с нами везде
Сосен стволы, что над черной водою повисли.
Тайна звезды, отразившейся в темной воде,
Тайна воды, отраженной в струящихся мыслях.

Тайна безудержной веры всему вопреки.
Тайна сомненья и всплесков текучие звуки.
Тайна весла, равнозначная тайне строки.
Тайна любви, равнозначная тайне разлуки.

Ведь, покоряясь певучей всевластной судьбе,
Мы недоступны привычной земной укоризне.
Лишь, отраженная в черной озерной воде,
Лодка в закате сквозит между жизнью и жизнью.

Швырнет Смядынь багряных листьев с неба
Под детский сон несбывшейся мечты –
У белой церкви конь святого Глеба
На клумбе ест осенние цветы.

Он заблудился в медленных столетьях
И звездам ржет во времени другом.
– Куда забрался! – с ним играют дети,
И старый сторож машет костью.

Он послан был как милость и награда
Не предавшим духовное родство
И в жадном мире жадного распада
Себе не пожелавшим ничего.

В том давнем сне мы главное попросим –
Погладим тихо гриву и бока.
Нас ждет спасенье, если красный в осень
Небесный конь не сбросит седока.

Внизу качнет кварталы, опадая,
Железный город, бравший на излом.
Нам в этой жизни снится жизнь другая –
Не с мелким злом и призрачным добром.

Да что терять седым усталым детям,
Над ложью мира вставшим в стремя!
Лети же, конь! Спасенье есть на свете!
Мы не вмещались в наши времена!

Мы не вмещались в стройные обманы,
В партийный бред, в зарвавшуюся власть,
В гроши, что можно запихнуть в карманы
И, наигравшись, оторваться всласть.

А что манило нас – увы! – туманно,
Как всё, чем с детства раннего горим.
Но жжет донине душу пламень странный,
Который трудно объяснить другим.

И в этой мгле проветренной осенней,
Где нищи мы и нечего с нас взять,
Всё больше ищет веры и спасенья
Душа, давно уставшая терять.

Лети же, конь! Над отчею разрухой,
Над чашей боли, выпитой до дна,
Над областью растоптанного духа –
Навзлет пробивая времена!

Елене Мининой

О счастье и жизни – в дороге какой разговор,
Пока рассекают пространство и время колеса?
А поле замерзло, и вмерз в перелески простор,
И все мы замерзли – но лишних не надо вопросов.

А там, прилетевший до срока, оставив юга,
Как бож на морозе, насквозь неприютный и нищий,
Нахохлившись, аист клюет возле стога снега
И всё не находит душе ни приюта, ни пищи.

Он долго летел, над судьбой распрямляя крыло,
К пустынным холмам, где когда-то случилось родиться.
И долго стремился, прося, чтоб ему повезло,
Как все мы стремимся – ведь надо куда-то стремиться.

Но вспыхнет мгновение – и никогда не пройдет:
Есть – аист, и ты, и снега, и столбы у дороги.
И щелкнет в уме указателем на поворот,
Что жизнь – бесконечна, и рано итожить итоги.

И снова потянет – нестись, прожигая бензин,
И что-то искать, и зачем-то к чему-то стремиться.
И выжать спидометр, и долго искать магазин,
И кильку свежайшую требовать у продавщицы.

А после – вернуться, и выйти на снег, не спеша.
И выпить простор в накатившей мольбе суеверной.
И радостно вспомнить – озябшая жива душа.
И аиста килькой кормить на дороге вечерней.

И Бога просить – нет, не чтобы тебе повезло,
Хотя ты не прочь, чтобы это однажды случилось –
А чтобы согрел, и услышал, и взял под крыло –
Ведь всем нам нужна, как дыхание, Божия милость.